

ИНСТИТУТ ДАРЕНИЯ В ПРАВЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ
РУСИ XII–XV ВВ.© 2008 г. Ю. В. Оспенников¹

Проблемой выявления видов договора дарения занимались очень немногие исследователи. Так, К.А. Неволин считал возможным выделить три вида договора дарения: пожертвование; выдел; назначение приданого². О.В. Мартышин кратко упоминал о двух видах дарения земли: пожертвование в пользу монастырей; дар дочерям и зятям³. Применение клаузульного анализа⁴ позволяет существенно расширить наше представление о системе видов договора дарения и не только уточнить содержание уже известных видов, но и выделить новые.

Договор дарения в праве Северо-Западной Руси относился к числу договоров с максимально упрощенной процедурой оформления. Судя по тексту ст. 100 Псковской Судной грамоты договор дарения мог совершаться в устной форме, но обязательно в присутствии свидетелей: “А которой человек при своем животе или пред смертию а что дать своею рукою племяннику своему платно или иное что животное, или отчину, да и грамоты даст пред попом или пред сторонними людьми, ино тому тем даньем владеть, чтобы и рукописания не было”⁵. В комментаторской литературе традиционно эта статья трактуется как указание на то, что племянник не включался в число наследников по закону⁶.

Материал частных грамот показывает, что внуки (при живых родителях) также не входили в число наследников и имущество наследодателя передавалось им в таком случае не по завещанию, а посредством дарения. В одной из двинских духовных грамот завещатель упоминает земельный участок, который был получен им от деда: “А что мне дал дедъ мои Федоръ...”⁷. Можно было бы

допустить, что в этом случае имеется в виду передача по наследству по духовной грамоте, однако дальше в тексте автор завещания среди грамот, подтверждающих право новых собственников на этот участок, называет и данную грамоту, и духовную: “... по деда своего по данои грамоте Федорове і по рукописанью...”.

Итак, дарения нередко осуществлялись непосредственно перед смертью дарителя, а одаряемым часто являлось лицо, которое не входило в состав наследников по закону, но которому наследодатель-даритель все же желал передать часть наследства. Это сближает по сути договор дарения и передачу имущества по завещанию, хотя сами авторы грамот четко различают данные грамоты и рукописания. Интересно отметить в этой связи, что некоторые грамоты, оформленные как духовные, на самом деле представляют собой записи о пожертвовании в монастырь⁸.

В этих духовных записях присутствуют те же элементы, таким же образом связанные между собой: одна сторона обязуется передать объект, другая сторона соглашается его принять и исполнять определенные службы. Различие только в моменте исполнения обязательства первой стороны (дарителя) и, соответственно, исходного момента для начала исполнения обязательства второй стороны (одаряемого). Собственно в данных вкладных этим моментом является акт совершения сделки, в духовных-вкладных обязательства исполняются только после смерти дарителя.

Как известно, в праве России нового времени возобладал взгляд, согласно которому одно из существенных условий дарения заключается в том, что оно составляет юридическую сделку между живыми, следовательно, требует *положительного* действия (а не одного упущения или бездействия). Наследство по закону не может считаться дарением именно потому, что здесь нет никакого положительного действия, которое служило бы основанием преемству. Отлично от дарения и наследство по завещанию, потому что имущество умершего не уменьшается, но продолжает существовать неизменно, только передается другому лицу; нет также сознания обогащения наследника, так как имущество ко времени смерти завещателя может исчезнуть. Ближе к дарению подхо-

¹ Кандидат исторических наук.² См.: Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т. 3. СПб., 1851. С. 27.³ См.: Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право. М., 1992. С. 314.⁴ См. подробнее: Оспенников Ю.В. Правовая природа частных актов Северо-Западной Руси XII–XV вв. М., 2003.⁵ Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М., 1984. С. 340.⁶ Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. М., 1953. С. 372; Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 380.⁷ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. №144. М.–Л., 1949.⁸ См.: там же. № 169–170, 176, 217 и др.

дят отказы по завещанию, которые древние римские юристы называют *donatio*. Напротив, в праве Северо-Западной Руси в период XII–XV вв. договор дарения все еще нередко смешивался с передачей имущества по завещанию.

Текст ст. 100 Псковской Судной грамоты, равно как материал частных актов, позволяет прямо связывать договор дарения и данные грамоты, хотя в трактовке последних и существуют некоторые спорные моменты.

Данными грамотами оформлялись отношения передачи (дарения) недвижимого и движимого имущества одним собственником другому. Именно анализу данных и вкладных (оформлявших пожертвования в монастырь или церковь) грамот уделено основное внимание в этой статье.

В отечественной науке проблема формуляра данных грамот северо-западных русских земель не являлась предметом специального исследования. Отдельные вопросы, связанные с оформлением данных грамот, рассматривались в работах С.М. Каштанова, В.Ф. Андреева и других авторов⁹. В исследовании М.Б. Свердлова сделана попытка определить формуляр данной грамоты, характерный для русских земель в X–XIV вв., однако разработанный им формуляр имеет ряд существенных отличий от принятого на северо-западе¹⁰.

В этой работе источниками являются 40 грамот из собрания “Грамоты Великого Новгорода и Пскова”, четыре данные грамоты, опубликованные Л.М. Марасиновой, две берестяные грамоты, а также семь данных грамот, опубликованных в “Археографическом ежегоднике”¹¹.

До сих пор наиболее подробно формуляр данных грамот рассматривался в работах В.Ф. Андреева, выделявшего два их основных варианта формуляра, с помощью которых фиксировался факт дарения. Первый состоит из следующих клаузул: 1) “богословие” или указание высших мотивов составления данной грамоты; 2) “се дал (пожаловал) такой-то такому-то монастырю (церкви), такую-то землю; 3) закрепление права рецептора на полученную землю; 4) указание назначения дара (для поминания дарителя и его рода, “на вседневную службу”, “стаду в кормление”

и т.д.); 5) удостоверительная часть; 6) санкция-заклятье¹².

Под вторым вариантом В.Ф. Андреев понимал формуляр духовных грамот, которые на основании специфики диспозитивной клаузулы были отнесены им к числу данных грамот, составляя особый подвид – духовные-данные. Различия в формулярах, по мнению исследователя, объясняются разницей обстоятельств, предшествовавших составлению документов: духовные-данные составлялись непосредственно перед смертью и представляли выписки из полного завещания¹³.

Для юридического анализа такое деление представляется недостаточно корректным, поскольку, как уже было отмечено выше, дарение принципиально отличается от передачи имущества по наследству и представляет собой сделку между живыми. Между тем в духовной-данной предмет сделки переходит к новому собственнику только после смерти завещателя.

Таким образом, варианты формуляра, предлагавшиеся до сих пор, не отвечают в полной мере нуждам юридического анализа, и в этой работе будут предложены несколько иной состав клаузул и их новая трактовка.

Почти в половине случаев из рассмотренных данных грамот присутствует вводная клаузула, предшествующая определению сторон, деяния, объекта, условий и т.п. Если в некоторых видах актов вводная клаузула имеет всегда определенный характер (представляя собой, например, инвокацию), то в данных грамотах в качестве вводной клаузулы может выступать и *invocatio* (в том числе символическая – в виде креста), и *arenga*, и определение одной из сторон (*intitulatio*).

Вторая клаузула северо-западного формуляра данных – диспозитивная, содержащая определение деяния: “дал есмь”, “се въдале”, “се дахомъ”, “се далъ” и т.п. В отличие от формуляра данных грамот Северо-Восточной Руси, в котором диспозитивная клаузула располагается между определением адресанта и определением адресата (первый субъект правоотношения – диспозиция – второй субъект: $S_1 - D - S_2$), в новгородских и псковских данных грамотах чаще всего диспозитивная клаузула располагается в самом начале статьи, определяющей суть сделки и стороны правоотношения ($D - S_1 - S_2$). В ряде случаев используются более сложные конструкции.

На основе анализа диспозитивной клаузулы складывается впечатление, что сделка носит односторонний характер, т.е. обязательство возлагается лишь на одну сторону, тогда как другая только принимает дар. Ниже будет показано, что

⁹ См.: Каштанов С.М. Дипломатический состав древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины. П. Л., 1969; Андреев В.Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л., 1986.

¹⁰ См.: Свердлов М.Б. Древнерусский акт X–XIV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. VIII. Л., 1976. С. 56.

¹¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949; Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966; Либерзон И.З. Неизвестные акты XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. XIV. Л., 1983. С. 138; Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 285–290; Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 447–450.

¹² См.: Андреев В.Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. С. 111.

¹³ См.: там же. С. 111–112.

в большинстве случаев договор дарения носил двусторонний характер, т.е. его содержание составляли встречные обязательства сторон. При этом в исключительных случаях явно нарушался безвозмездный характер договора дарения. Например, в одной двинской духовной грамоте встречается любопытное упоминание о договоре дарения, предметом которого являлся земельный участок: “А что меня *подарилъ* Левонтеи Обакумовичъ Калцынымъ островкомъ малымъ одерень, і язъ ему *далъ* противо того островка сорокъ куanei (курсив мой. – Ю.О.)”¹⁴. Правоотношение, о котором идет речь, было оформлено данной грамотой, как следует из дальнейшего текста. Этот пример показывает, что договор дарения в праве Северо-Западной Руси мог быть возмездным.

Как и другие частные акты, данные грамоты рассматривались и оформлялись как ряд, т.е. договорное правоотношение. При этом для правовой традиции Северо-Западной Руси уже было свойственно понятие стороны правоотношения – среди субъектов, вступающих в отношения, оформляемые данными грамотами, наряду с физическими лицами упоминаются и корпоративные: хозяйственные, родовые, семейные, духовные, военные коллективы.

Следующая клаузула представляет собой определение предмета сделки. Чаще всего предмет дарения – это недвижимые вещи: “село”, “участок”, “земля”. Судя по сохранившимся данным, дарение движимых вещей только в исключительных случаях оформлялось соответствующей грамотой (в одном случае объектом сделки является движимое имущество – колокол)¹⁵. Гораздо чаще движимое имущество перечисляется в составе предмета дарения, если основным объектом является земельный участок. В таком случае движимые вещи нередко обозначаются просто как “живот”, хотя имеет место и конкретизация предметов: “две тысячи белки”, “двое портъ, шюбу да чюпрюнь, да приданую девку Феню”, “образ Воскресение”¹⁶ и др. Как видно из приведенных примеров, в числе движимых вещей, передававшихся согласно данным грамотам, были деньги или их заменители, предметы быта и обихода, а также челядь и скот.

Огромное значение для раскрытия содержания договора дарения и для выявления его подвидов имеет клаузула, которая следует непосредственно за определением предмета сделки. Эта клаузула встречается во многих грамотах, и в ней раскрываются дополнительные условия, на основе которых заключается сделка, т.е. фиксируют-

ся дополнительные (помимо обязательства принять предмет правоотношения) обязательства адресата. Представляется возможным выделить несколько вариантов этой клаузулы (иногда в одной грамоте объединяются два варианта в виде двух различных статей). Именно на примере этой клаузулы удобнее всего рассмотреть виды договора дарения, которые существовали в праве Северо-Западной Руси.

Первый вариант этой клаузулы – формула, где в качестве особых условий за отданное в монастырь имущество оговариваются службы “за вклад”, “на поминовение”: “на память себе и родителемъ своимъ, вписати ихъ в сенодикъ”, “А поминати им мужа моего Исака, и родители моихъ, да и дети моиихъ. А ставити имъ обедъ на Дмитреевъ день” и др.¹⁷

В.О. Ключевский связал этот элемент грамот с выработанной древнерусским духовенством системой “строения души”: “Строить душу значило обеспечить человеку молитву церкви о его грехах, о спасении его души... Сострадательная заботливость церкви о не успевших позаботиться о себе послужила ... поводом к мнению, что можно отомолиться чужой молитвой, лишь бы были средства нанять ее и лишь бы она была не кой-какая, а истовая, технически усовершенствованная молитва. Привилегированными мастерскими такой молитвы были признаны монастыри. Средством для найма монастырской молитвы и служили вклады ради спасения души”¹⁸. В таком случае правовые последствия для адресата данной грамоты представляли собой обязанность осуществлять эту “технически усовершенствованную” молитву, “строить” душу умершего, заботиться о его спасении.

Как видим, В.О. Ключевский рассматривал этот вид правоотношений как близкий договору найма, а не дарения. Приоритетным мотивом лица, передающего вещь, является не стремление обогатить другую сторону, а осуществление собственного интереса, достигнуть которого возможно только с помощью другой стороны. Кроме того, от вклада невозможно было отказаться – ни в одной грамоте нет упоминания о такой возможности: подразумевается, что церковь или монастырь обязаны принять имущество, которое передается им по данной грамоте. Иными словами, нарушено еще одно важное условие договора дарения – согласие обеих сторон: и дарителя, и одаряемого.

Вместе с тем представляется неверным отказываться от трактовки пожертвований церкви

¹⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 144.

¹⁵ См.: там же. № 327.

¹⁶ Там же. № 156, 254; Марасинова Л.М. Указ. соч. № 24.

¹⁷ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 312, 307, 119, 148, 171, 176, 237, 281, 282 и др.; Марасинова Л.М. Указ. соч. №24; *Либерзон И.З.* Неизвестные акты XV в. С. 138.

¹⁸ *Ключевский В.О.* Соч. Т. II. М., 1957. С. 266–267.

как дарения только на основе некоторых различий теоретической модели договора дарения (сложившейся на основе римского права уже в новое время) и древнерусских данных. При рассмотрении такого сложного явления, как средневековое право, следует исходить не из современных стереотипов и теоретических схем, но из тех реалий юридического мышления, которые существовали в интересующий нас период. А эти реалии, в свою очередь, отражены в лексике, в юридической терминологии, и игнорировать ее недопустимо. Если в правовой традиции Северо-Западной Руси, как уже было показано выше, данными грамотами назывались акты, оформлявшие отношения дарителя и одаряемого, логично предположить, что речь в этих грамотах идет о хотя и обладавшем определенной спецификой, но все же о договоре дарения, отличном от современной трактовки дарения.

Помимо обязанности принять вклад, на принимающую сторону возлагалась обязанность исполнять определенные религиозные службы, способствующие «строению души». Эти службы могли молчаливо подразумеваться или же, напротив, лицо, осуществляющее пожертвование, само определяло, какие обязанности возлагаются на принимающую сторону. Например, в одной из данных грамот XV в. определяются несколько обязательств, возлагаемых на монастырь: 1) обязанность служить вседневную службу; 2) осуществлять особый порядок службы («соборомъ») в поминовение Авилы, Иакова, Дмитрия, Иустины (родственников жертвовательницы и ее самой); 3) периодически раздавать милостыню от имени жертвовательницы¹⁹.

Важно, что дарительница настаивает на обязательном исполнении определенных религиозных служб (*de facto* – обязательств, принимаемых другой стороной), а следом за их перечислением указывается и санкция за неисполнение: «А не почнутъ игумены, и священники, и черноризцы святаго Спаса Нередицкого монастыря техъ обедовъ ставити и памяти творити, и судятся пред богомъ со мною в день страшнаго суда». Иными словами, безвозмездность как характерная черта договора дарения здесь нарушена: даритель рассчитывает на получение определенной выгоды в обмен на предоставление предмета дарения и стремится гарантировать исполнение одаряемым обязательств, которые на него налагаются по условиям договора. При этом даритель передает предмет сделки немедленно при ее заключении, обязательство другой стороны сразу исполнено быть не может. Специфика встречного обязательства одаряемого при вкладах заключается в том, что оно не имеет срока исполнения. Точнее

¹⁹ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 119.

говоря, это обязательство должно исполняться вплоть до самого конца света, до второго пришествия Христа, когда отпадет необходимость в службах за упокой души.

Рассмотренный пример не единичен. В данной грамоте Якова Дмитриевича Михаилаархангельскому монастырю в обмен на передачу земельного участка даритель требует от монастыря: «А хто буде игуменомъ или попомъ, и вы творите память по Дмитреи, по Марьи, по Ондреи, по Федосьи, по Данили, по Огруфини, по Тарасьи, по Федори, по Михаили, по Василисти, по Ульяне, по Якове и Ульяни и по ихъ племени»²⁰. В отличие от грамоты №119, здесь службы подробно не расписываются – даритель ограничивается общим указанием на необходимость их исполнения. Поскольку в Средневековье только земля являлась постоянным источником дохода, автором данной грамоты предполагается, что предмет договора дарения должен предоставлять монастырю средства, необходимые для проведения служб поминовения указанных лиц. Санкция за неисполнение обязательств одаряемым в этом случае облечена в форму запрета на распоряжение предметом сделки: «А сихъ памятеи не заложите. А хто заложитъ игуменъ или попе, дастъ ответъ передъ Богомъ в день Страшнаго суда». Как и в случае с грамотой №119, санкция носит не мирской, а сакральный характер – даритель угрожает Божьим судом, прямо отсылая читателя ко времени второго пришествия. Следует отметить, что в Псковской Судной грамоте (ст.4) той же каре подлежали высшие судебные чины, преступившие клятву судить по справедливости: «А князь и посадник на вечи суду не судять, судити им у князя на сенех, взираа в правду по крестному целованью. А не въсудят в правду, ино Бог буди им судиа на второмъ пришествии Христове»²¹.

В некоторых случаях вклад-пожертвование дополняется такими дополнительными условиями, которые осложняют правовой режим объекта. К примеру, некий инок Алексей подарил Вяжицкому монастырю свою отчину, после чего был составлен еще один документ (помимо данной грамоты) – рядная, в которой предусматривалось право пожизненного владения предметом дарения самим дарителем, т.е. иноком Алексеем²². Даритель в этом случае мог распоряжаться половиной урожая, т.е. плодами подаренного участка, а половину должен был отдавать монастырю: «А давати Олексею в домъ святого Николы с той земли половина во всемъ».

²⁰ Там же. № 148.

²¹ Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 332.

²² См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 294.

Полное право собственности одаряемого в этом случае, как видим, отсрочено – оно приобретает только после смерти дарителя (“А по его животе, ино тая земля вся в домъ святого Николы и в веки...”), аналогично условиям духовных грамот. Однако в отличие от последних, здесь одаряемый еще до смерти дарителя имеет некоторые права и обязанности, связанные с предметом дарения. О правах уже было сказано – это право на половину урожая, т.е. на плоды главной вещи. Кроме того, в грамоте указывается обязанность одаряемого (монастыря) оказывать помощь в проведении необходимых сельскохозяйственных работ (“А где будетъ какова христианина или на землю окупить или помочи чимъ ни буди, а то игумену Якиму и всеи братье с Олексеемъ сопча”), совместно с дарителем осуществлять правовую защиту как самого предмета дарения, так и личности дарителя (“А где будетъ о той земли или о христианине каково слово обидное, ино имъ стоять съ единого”).

Любопытный вид вклада-пожертвования – так называемый вклад “в вечный хлеб”. Сторонами в этом случае являются две монастырские корпорации, или приходская церковь и монастырь, предмет дарения-вклада – денежная сумма. Смысл этого правоотношения сводится к возложению на одну из сторон (одаряемый) обязанности “вечно”, т.е. без определения временных границ, предоставлять другой стороне (даритель) возможность питаться в монастырской общине наравне с ее членами (“А имати имъ хлебъ и соль, какъ чернци и вкладники в монастыре емлютъ в доме святеи Богородици в веки...”; “имать игумену Игнатью и всимъ старъцемъ дому святеи Богородици хлебъ и соль, какъ иньи пустыники емлютъ”)²³. Во многих общежитийных монастырях от новых членов монашеской общины ожидался определенный “вклад в общее хозяйство” либо в виде недвижимости, либо в виде иного имущества. В данном случае монастырь-даритель как раз и выступает в роли такого “вкладчика”, однако при составлении вкладной “в вечный хлеб” специально оговаривалось, что монахи монастыря-дарителя не получают других прав вкладчиков-членов одаряемого монастыря (“а во иное имъ ни во что не вступати”)²⁴. Сделка считается заключенной с момента передачи вклада, т.е. денежной суммы, и именно с этого момента монахи монастыря-дарителя имеют право требовать исполнения обязательств, возложенных на одаряемого. Обязательство, как и в уже рассмотренном случае пожертвования на помин души, не может быть исполнено до конца света. Оно носит длящийся характер и во вкладных специально огова-

ривалось, что преемники игумена, при котором была заключена сделка, обязаны следовать ее условиям.

В обоих случаях, когда члены монастырской корпорации-дарителя получали право питаться наравне с членами одаряемого монастыря, сумма вклада была значительной – 10 и 16 рублей. На эти деньги вполне можно было приобрести земельный участок, который в глазах современников неопределенно долгое время мог обеспечивать монашескую общину необходимыми продуктами. Однако сумма вклада могла быть значительно больше, и в этом случае условия вклада менялись: одаряемый монастырь брал на себя обязательство выделять определенное количество зерна, плодов главной вещи. Например, в грамоте №315 мы сталкиваемся со сложным случаем вклада “в вечный хлеб”: сторонами этой сделки следует считать церковь св. Николая на Шунге и Вяжицкий монастырь, однако предмет дарения, собственно вклад, вносится не представителем церковной общины (старостой, попом или иным лицом), а новгородским архиепископом, который, видимо, исполняет последнюю волю некоего завещателя (“А то приказалъ Фома Маноиловъ...”)²⁵. Предметом завещания этого Фомы Мануилова было долговое требование, сумма которого и была получена архиепископом с должника с тем, чтобы потом превратиться во вклад во исполнение воли завещателя: “А даль есме тритцать рублевъ, а взялъ есме тое серебро ув Остафия Дмитриевича на ихъ половине”). Как видим, сумма вклада весьма значительна (30 рублей) и существенно превышает (в 2–3 раза) рассмотренные выше вклады. Соответственно возрастает и размер того “вечного хлеба”, на который имеет право даритель-вкладчик: “А имать старцамъ дому святаго Николы в Шунги (даритель) с дому святаго Николы с Вяжищъ (одаряемый) на всяки годъ пять коробей ржи, пять жита, десять овса”. Одна новгородская коробка соответствовала 7 пудам ржи, т.е. одаряемый каждый год в течение неопределенного времени (до конца мира) должен был предоставлять дарителю 35 пудов ржи, 35 пудов “жита” и 70 пудов овса. Любопытно, что во вкладной определялось и место исполнения обязательства (“А имать имъ в Обо-нежъ”).

Как видим, обязательства, возлагаемые на одаряемую сторону, в договорах “вклада на поминование” и “вклада в вечный хлеб” отличаются, что позволяет рассматривать их как два самостоятельных вида договора дарения, различных по своему содержанию.

Второй часто встречающийся вариант рассматриваемой клаузулы – дополнительная фик-

²³ Там же. № 30–309.

²⁴ Там же. № 308.

²⁵ Там же. № 315.

сация правового статуса предмета или определение отдельных его аспектов: например, указание, что право собственности одаряемого на предмет дарения ограничено (“И тои нивы старостам и старцом не продавать”)²⁶, указание на то, что определенная часть имущества находится в общем владении (“i в Шизни вотцемъ ловить, i в Кузь реке ловить”)²⁷, и т.п. Тем не менее на основе различий правового режима предмета дарения выявить какие-либо принципиальные отличия в самих договорных правоотношениях не представляется возможным.

Третий вариант этой клаузулы можно рассматривать как аналог “приказа” – формулы, более характерной для духовных грамот. Адресант данной грамоты в силу совершившегося акта передачи имущества рассматривался как лицо, уполномоченное устанавливать элементы социальной опеки (или опеку в полном объеме). К примеру, некий Андрей Иванович, передавший дочери и своему зятю Ярасиму значительную часть движимого и недвижимого имущества возлагает на него функцию опеки над своими (видимо, малолетними) сыном и дочерью: “А зятю моему Ярасиму сына моего Василья и дочери мои кормити до мужа”²⁸. Иногда функция опеки, покровительства имеет не прямое значение, а скорее декларативное: так, спинские сябры, передавшие ряд угодий монастырю, находят необходимым отметить: “А приказываю монастырь свои беречи архиепископъ Иванъ господину и брату своему архиепископу Великого Новагорода, кого Богъ дастъ, да и детемъ своимъ тысяцкимъ и посадникамъ, а не было розного жития в дому святого Спаса и в веки”²⁹. В этой формуле очевиден факт передачи функции защиты, покровительства, опеки от адресанта (“беречи”) адресату данной грамоты.

Столь же близок к формуляру духовных грамот еще один вариант рассматриваемой клаузулы, представляющий аналог “очищения от долгов”. Адресант, передавая имущество, специально указывает, что надеется в результате акта дарения загладить свою вину, исправить нанесенное зло, выполнить нравственный долг и т.п.³⁰

Наконец, встречается также установление уклада монастырской жизни и даже юрисдикции монастырского суда (“А случится дело монастырскому человеку с посадникомъ человекомъ с Васильевымъ, ино судить игуменъ с посадникомъ с

Васильевымъ прикащикомъ”³¹. При этом мог оговариваться общежитийный характер монастырского уклада, определение полновластия игумена над чернецами и т.п. (“А игумену, хто ни будетъ у святого Иоана Богослова, держати ему общее житие. А цернцевъ игумену держати, какъ его сила иметь. А цернцовъ держати в монастыре, хто игумену любь. А игумену и цернцемъ, живуци в манастыре святого Иоана Богослова, собинъ имъ не держати”)³². Иногда распорядительные указания такого рода включаются в состав другого варианта клаузулы, определяющей особые условия³³.

Помимо отмеченных выше двух видов договора дарения (вклад на помин души и вклад “в вечный хлеб”), специфическим видом того же договорного правоотношения являлась передача приданого. С одной стороны, приданое по своей сути представляет аналог наследственной части, которая является, в свою очередь, отражением трудового вклада девушки в общесемейное хозяйство. С другой стороны, в отличие от собственно наследования, наделение приданым никак не связано с моментом смерти наследодателя – оно может происходить как при жизни отца девушки, так и после его смерти. Во втором случае, если отца девушки не было в живых, обязанность обеспечить ее приданым и выдать замуж ложилась на братьев. Например, в духовной Остафия Ананьевича (1395 г.) завещатель возлагает эту обязанность на одного из своих сыновей: “А будетъ у моеи жены ... дчи, ино выдасть ю братъ Федоръ по силе”³⁴. Здесь очевидно последовательное продолжение правовой традиции, закрепленной еще в “Русской Правде”. Согласно ст. 95 Пространной редакции на братьев, ведущих общее хозяйство, возлагалась обязанность обеспечить свою сестру приданым, что заменяло ей наследственную долю: “Аже будетъ сестра в дому, то тои задница не имати, но отдаять ю за муж братия, како си могутъ”³⁵. В летописях также нередки упоминания о том, как братья устраивали замужество своих сестер: например, Ярослав Мудрый выдал свою сестру замуж за польского короля Казимира: “...вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира...”³⁶ и др.

Здесь мы сталкиваемся с важной особенностью этого вида дарения: даритель (отец невесты, ее брат или иное лицо) обязан выдать приданое.

³¹ Там же. № 280.

³² Там же.

³³ См.: там же. №109, 119.

³⁴ Там же. №110.

³⁵ Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 71.

³⁶ Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Ст. 142.

²⁶ Марасинова Л.М. Указ. соч. № 17.

²⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. №306; см. также: № 167, 192, 255, 283, 305, 323.

²⁸ Там же. № 156.

²⁹ Там же. № 109.

³⁰ См.: там же. № 114, 282.

Казалось бы, следует отнести отношения этого рода к обязательствам из закона, однако есть серьезные доводы в пользу того, чтобы все-таки попытаться обосновать трактовку приданого как дара. Как уже было отмечено выше, приданое по своей сути есть аналог наследственной доли. Еще одним вариантом перехода имущества от наследодателя к десцендентам (не только женского, но и мужского пола) является выдел³⁷. В этом случае имущество передается родственникам по нисходящей линии, которые не входят в число наследников и потому получают имущество не по наследству, а в дар (выше уже были рассмотрены упоминания о выделе в частных актах и в ст. 100 Псковской Судной грамоты).

Таким образом, предоставление приданого и выдел являются еще двумя видами договора дарения. К сожалению, выдел крайне редко отражается в памятниках права Северо-Западной Руси, несколько чаще – передача приданого, что позволяет установить некоторые особенности этого правоотношения. Например, в духовной Федора Остафьевича (1435 г.) упоминается дарение его зятю и дочери: “А что село мое въ Торжку Киселевское, а то далъ есмь зятю своему Ивану и дочери своей Оксинье, і вы в то, дети мои, не вступаитесь”³⁸. Возможно, в данном случае речь идет о свадебном подарке, но, вероятнее всего, об уплате оговоренного заранее приданого. В другой духовной грамоте операция назначения приданого расписывается более подробно, но по такой же схеме, что позволяет сблизить оба случая: “А что есмь посулилъ наделка зятю своему Сидору и дочери своей Марьи, заплатилъ есмь имъ 50 белъ, а дати ми имъ 3 сороки белки, а в томъ треть села в заклади на два году до кунъ”³⁹. “Наделок” – приданое (иногда так же называли имущество, данное женщине, уходящей в монастырь). Сумма приданого была заблаговременно определена по соглашению с будущим зятем, обязанность уплатить приданое составляет в этом случае содержание обязательства дарителя, но исполняется оно после свадьбы и не одновременно, в рассрочку.

В связи с недостатком материала трудно решить вопрос, являлся предмет дарения в данном случае совместной собственностью супругов либо “голое” право собственности сохранялось за дочерью дарителя, а его зять владел землей. Анализ древнерусского законодательства заставляет склоняться в пользу второго предположения.

Известно, что такого рода дарения могли сопровождаться наложением определенных обязательств на одаряемого. Например, в данной гра-

моте Андрея Ивановича зятю Герасиму и дочери Марье на движимое и недвижимое имущество даритель выдвигает следующее требование: “А зятю моему Ярасиму сына моего Василья и доцери [имеются в виду две другие дочери – Аграфена и Аксинья. – Ю.О.] мои кормити до мужа”⁴⁰. Судя по тому, что даритель возлагает обязанность содержать своего сына и незамужних дочерей на зятя, он предполагает возможность собственной скорой смерти. Иными словами, вероятно, что дарение в этом случае предшествует смерти дарителя, а также, возможно, предшествует составлению рукописания.

Как уже отмечалось, еще в “Русской Правде” (ст. 90 Пространной редакции) было закреплено, что женщина, вышедшая замуж (соответственно, получившая приданое), лишается прав на наследственную массу: “Аже смерд умреть ... аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужем, то не даяти части им”⁴¹. Иными словами, передача приданого сопровождается условием, которое прямо не фиксируется, но подразумевается. Суть этого условия сводится к отказу от претензий на наследственную массу.

Помимо отмеченных выше видов представляется возможным выявить еще один, пятый вид договора дарения, согласно которому одаряемый освобождается от какого-либо требования дарителя или третьего лица (например, прощение долга или уплата долга за должника с целью его обогащения).

Освобождение от требования встречается в сохранившихся текстах относительно редко. Иногда это действие совмещается с другими действиями по очищению от земных долгов и спасению души, на что указывает формула “Бога ради”. Соответственно, акт освобождения от требования обычно указывается наряду с другими распоряжениями, содержащимися в духовных грамотах, например: “А что мне будетъ имать коя на людехъ, и язъ то все отдаю Бога ради”⁴².

Не исключено также, что своеобразной формой договора дарения следует считать и раздачу милостыни, однако этот вид не упоминается ни в законодательных актах, ни в частных грамотах.

Следующая клаузула представляет собой закрепление правоотношения, подведение итога. Итог в данных грамотах содержится в полной форме, обычно в виде отдельной статьи, или в краткой форме, которая представляет собой формулу “в веки” и включается в состав другой клаузулы: “И то село далъ Есипъ святому Нико-

³⁷ См., например: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 144.

³⁸ Там же. № 111.

³⁹ Там же. № 230.

⁴⁰ Там же. № 156.

⁴¹ Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 70.

⁴² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 295.

ли въ веки...”, “в домъ Божіи святого Спаса и въ веки”⁴³.

Полная форма итоговой (обобщающей) клаузулы может быть как в виде утверждения, так и в виде запрещения или же объединяет элементы и утверждения, и запрещения. Итог-утверждение строится по принципу подтверждения в обобщающей форме сути сделки: “А то в домъ святому Спасу, игумену и чернцамъ, и в веки”; “А даль есми ту землю и животъ Ярасиму одерень и в веки и детемъ ихъ”⁴⁴ и др.

Итог-запрещение предполагает отрицание прав третьих лиц на предмет сделки, указывает на невозможность предъявления претензий с их стороны: “А дочеремъ моимъ і внучатамъ в ту землю не вступатися”; “А в то село не надобе вступатисе братие мои и детемо моимъ”; “А иному не надобе никъму жъ”⁴⁵. Как видно из приведенных примеров, третьи лица могли указываться вполне конкретно (“дочеремъ моимъ”) либо абстрактно (“иному никъму жъ”).

Следующая клаузула формуляра данных грамот – *соггоборация*, или удостоверительная часть. На основании анализа *соггоборация* имеющихся данных грамот существуют основания для выделения трех видов удостоверения грамоты: через указание послухов, через указание даты (хронологический вариант удостоверения) и документальное удостоверение (через указание печати, грамоты и т.п.).

Наиболее распространенный вариант – указание свидетелей, послухов. В качестве свидетелей выступали соседи либо всем известные и уважаемые в данной общине люди: “А на то люди посадникъ псковский Максимъ Ларивонович да Игнасти Иголка с торгу”⁴⁶. При указании свидетелей составители грамоты могли подчеркнуть, что при формировании их состава в равной степени были учтены интересы обеих сторон: “А на то послуши со обе половине люде добрыи...”⁴⁷, либо, напротив, отметить, что свидетели не являются заинтересованными лицами: “А на то люди стороннии...”⁴⁸. Наконец, для средневекового сознания было вполне естественно призвать в качестве свидетелей сакральные силы: “А на то Богъ послухъ и отецъ мои духовнии игумень Григорей святии Богородици”; “А на то послухъ святая Богородица и отеце мои духовнии Степано, “А на то

Богъ послухъ, святии Никола и отецъ мои духовнии игумень Макария святого Николи...”⁴⁹.

Указание даты составления в западноевропейской дипломатике рассматривается в качестве самостоятельной клаузулы – *datum*. С учетом того, что в северо-западных древнерусских актах время выдачи документа указывается крайне редко и в данных грамотах практически во всех случаях указания даты отсутствуют имена свидетелей или документальное удостоверение, правомерно рассматривать статью, содержащую датировку грамоты, как вариант *соггоборация*. Сама клаузула в этом варианте разнообразием не отличается: “А дала есми тую Пчевскую землю и тыи белки въ лета 7970 пятое”, “А дана ся грамота лета 6974”; “А дана грамота в лето 6978-го февраля 2”⁵⁰.

Наконец, заключительная клаузула в формуляре данных грамот – *sanctio*. Санкция никогда не носит светского характера, всегда речь идет о сакральном возмездии за нарушение условий сделки: “А хто сю грамоту переступитъ, на того Богъ и святии Спасъ”, “А хто заложитъ игумень или попе, дасть ответъ передъ Богомъ в день Страшнаго суда”⁵¹ и др. Следует отметить, что относительно устойчивая формула санкции установилась только с XIV–XV вв., в предшествующий период *sanctio* отличалась большим разнообразием и наличием более ярких образов: “Аще кто дьявольмъ наученъ и злыми человеки наваженъ цъто хочеть отъяти, от нивъ ли, от пожънь ли или от ловищъ, а буди ему противенъ святии Спасъ и въ сь векъ и въ будущи”⁵².

Таким образом, в составе формуляра данных грамот Северо-Западной Руси возможно выделить следующие клаузулы: 1) вводная; 2) диспозитивная; 3) определение сторон; 4) определение предмета; 5) определение особых условий сделки; 6) обобщение (в форме подтверждения или запрещения); 7) удостоверительная; 8) санкция.

В составе формуляра очевидны существенные отличия как от западноевропейского, так и от формуляра Северо-Восточной Руси. Наиболее сложной и особенно значимой для юридического содержания акта является клаузула, определяющая особые условия сделки и посредством которой определяются обязательства адресата данной грамоты. Всего можно различить пять вариантов этой клаузулы: 1) в качестве особых условий за отданное в монастырь оговариваются службы “на поминовение”; 2) дополнительная фиксация правового статуса предмета или определение отдельных его аспектов; 3) аналог “приказа”, установление социальной опеки; 4) аналог “очищения

⁴³ Там же. № 224, 299.

⁴⁴ Там же. № 109, 156.

⁴⁵ Там же. № 171, 192, 253.

⁴⁶ Марасинова Л.М. Указ. соч. № 23.

⁴⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. №298.

⁴⁸ Там же. № 299.

⁴⁹ Там же. № 176, 192, 225.

⁵⁰ Там же. № 119, 218, 281.

⁵¹ Там же. № 109, 148.

⁵² Там же. № 104.

от долгов”; 5) установление уклада монастырской жизни, юрисдикции монастырского суда и т.п.

Дарение представляет собой реальный контракт, т.е. предполагает немедленную передачу имущества или права. В большинстве случаев именно так и было, т.е. по общему правилу древнерусский договор дарения носил реальный характер, однако возможны были и отклонения от этого порядка, и передача права собственности на предмет дарения могла откладываться⁵³.

Благодаря влиянию римского права в науке права постепенно установился взгляд, что для дарения необходимо, чтобы путем отчуждения имущество одного (дарителя) уменьшилось, а другой (одаряемый) обогатился, чтобы отчуждение совершилось с намерением такого обогащения (*animus donandi*) и чтобы отчуждаемое имущество было *принято*, как дар (*acceptatio*). В этом последнем требовании выражается договорный характер дарения. Безвозмездный характер дарения не исключает, однако, возможности возложения на одаряемого какого-либо обязательства (*donatio sub modo*). Как минимум, два вида древнерусского договора дарения – вклад на помин души

и вклад “в вечный хлеб” – как раз предполагали возложение на одаряемого обязательств, причем в довольно специфичной форме. Всего же в результате проведенного клаузульного анализа было выделено пять видов договора дарения: 1) вклад на помин души; 2) вклад “в вечный хлеб”; 3) выдел; 4) назначение приданого (“наделок”); 5) освобождение от долга.

Выявленные особенности древнерусского договора дарения заставляют скорректировать принятое в историко-правовой науке определение этого договорного правоотношения, восходящее еще к дефиниции К.А. Неволлина (уступка “своего права собственности на вещь одним лицом другому без получения от него за то какого-либо возмездия”)⁵⁴. Древнерусский договор дарения представлял собой соглашение двух сторон, в результате которого одаряемой стороне предоставлялось вещное право, а также требование или освобождение от требования на безвозмездной основе, но при соблюдении определенных условий, которые обычно выражались в возложении на одаряемого какого-либо обязательства.

⁵³ См.: там же. № 294.

⁵⁴ Неволлин К.А. История российских гражданских законов. Т. 3. С. 27.